

**Слова и беседы на воскресные дни
святитель Иннокентий, архиепископ
Херсонский и Таврический**

Слово в неделю святых жен-мироносиц

За что, братие мои, святые жены-мироносицы и праведный Иосиф с Никодимом удостоились столь великой чести, что память их празднственно совершается ныне Церковью, непосредственно после торжества в честь воскресения Господня? Не принимали ли они, в продолжение земной жизни Господа или по вознесении Его на небо, какого-либо особенного участия в великом деле служения Его в спасении рода человеческого? Но ни в Писании, ни в предании мы не находим о сем ничего, об одной только Марии Магдалине свидетельствует предание, что она соделалась впоследствии проповедницей Евангелия, подобно ученикам Господа, за что и получила название равноапостольной. Или, может быть, святые лица, ублажаемые ныне Церковью, отличались каким-либо особенным разумением тайн Царствия Божия, или особенным обилием дарований духовных? Нисколько не видно из Евангельской истории и сего; святому Никодиму, напротив, сказано было прямо: «ты еси учитель Израилев, и сих ли не веши» (Ин. 3, 10), и слова сии доселе остаются в Евангелии, к нашему назиданию. Наконец, может быть, празднуемые ныне святые лица отличались хотя бы постоянным пребыванием с Господом, то есть слушали все Его беседы, присутствовали при всех Его чудесах, участвовали во всех нуждах и лишениях, разделяли все труды и опасности Его служения? И сего нельзя сказать по Евангелию, ибо мы видим только раз, как Никодим приходит слушать учение Спасителя, и то ночью, «страха ради иудейска» (Ин. 19, 38). О святых женах-мироносицах сказано более – что они «идоша по Иисусе от Галилеи» (Мф. 27, 55), «служажу Ему от имений своих» (Лк. 8, 3); но сие хождение отнюдь не было постоянным; служение жен Господу от имений своих также не всегда совершалось. Иначе не было бы нужды спрашивать однажды Господу учеников: «чем купим хлебы» (Ин. 6, 5); тем паче не было бы нужды, в другом случае, прибегать к чудесной ловле рыбы, дабы из уст ее взять статир для уплаты подати на храм (Мф. 17, 27).

Что же, повторяю, могло обратить внимание Церкви на святых жен-мироносиц и на праведного Иосифа с Никодимом до того, что память их почтена особенным празднеством, непосредственно после празднества воскресения Господа?.. Их любовь и усердие ко Господу Иисусу, обнаружившееся самым простым образом. В Иосифе – это великодушное дерзновение, с коим он просил тело Иисуса на погребение у Пилата, и уступил Погребаемому свой собственный гроб; в Никодиме – это

дружеское усердие, с коим он принес такое множество драгоценных ароматов и убрисов на погребение Учителя; в святых женах-мироносицах – это их мужественное присутствие у Креста Иисусова на Голгофе, их участие с Иосифом и Никодимом в Его погребении и, наконец, их утреннее путешествие ко гробу Жизнодавца с ароматами и миром для помазания Пречистого Тела Его. Вот подвиги святых лиц, ублажаемых ныне Церковью! Без сомнения, они не остановились на них, пошли далее в вере и смирении, взошли выше – в любви и самоотвержении и, может быть, достигли высоты и чистоты Ангельской. Но Святая Церковь, оставляя все прочие совершенства их, указывает в лице их не на другие качества и добродетели, а на те самые, кои указаны нами выше. И нельзя сказать, чтобы Церковь простерла благодарность свою к ним за пределы, когда за таковые, очень простые, по-видимому, добродетели так торжественно воспоминает их память ныне; нет, она последовала в сем случае примеру Самого Господа, ибо кому Он по воскресении Своем явился первее? Не апостолам, а святым женам, кои шли к Нему с миром. И еще прежде смерти Своей, на вечери, в дому Симона прокаженного, когда Мария, сестра Лазарева, возливала на ноги Его миро, и когда Иуда коварно жалел о сем мире, Он сказал в одобрение ее, что она «дело... добро содела», и что «идеже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется и еже сотвори сия, в память ея» (Мф. 26, 10, 13). Святая Церковь приводит ныне в исполнение сие пророчество и вместе повеление, делая посредством настоящего празднества известным всему миру усердие святых жен-мироносиц и благочестивых погребателей тела Иисусова.

Для чего она делает известным это всему миру? Во-первых, в благодарность им за то, что они послужили Господу в то время, как Он был всеми оставлен, самыми учениками Своими; а, во-вторых, для того, чтобы примером благообразного Иосифа и святых жен возбудить и в нас подобное же усердие ко Господу и Спасителю нашему. Ибо, хотя Господь наш, по воскресении своем, вознесся, как известно, на небо, воссел одесную Бога Отца и посему не имеет никакой нужды в помощи от нас, в наших дарах и приношениях, но, с другой стороны, Сей же Самый Господь наш благоволил паки обретаться между нами чувственно, в наших храмах, в Таинстве Тела и Крови Своея, и, обретаясь таким образом, благоволил подлежать паки лишениям и нуждам, подобно тому как Он подлежал им некогда в вертепе Вифлеемском и в вертограде Иосифовом. Для Него нужны бываюи при сем и «горница устланная» (Мк. 14, 15) для вечери, и Плащаница для покрытия Пречистого Тела, и гроб для погребения. Все сие могли бы устроить для Него в наших храмах Херувимы и Серафимы, выну

присутствующие при священнодействиях; но Он не благоволит принимать от них сего служения; предоставляет честь сию нам, коих Он искупил Своею Кровью, и во спасение коих снова приносится в Бескровную Жертву. О исполнении сей-то священной обязанности Святая Церковь напоминает всем и каждому нынешним празднеством. Ублажая праведного Иосифа с Никодимом, она как бы так говорит всем мужам: «Смотрите, подражайте их усердию; не щадите для Господа временных стяжаний ваших, не опускайте драгоценных случаев оказать помощь и услугу Тому, Кто за чашу студеной воды, поданной во имя Его, обещал мзду в Царствии». Прославляя святых жен-мироносиц, Святая Церковь как бы так говорит всем женам христианским: «Смотрите, не забывайте их благого примера, употребляйте и вы избытки своих стяжаний не столько на украшение самих себя, сколько на служение Богу и Церкви, на дела благочестия и любви христианской».

Что урок сей слышится и приемлется многими, что мудрое намерение Святой Церкви в нынешнем празднестве продолжает достигаться и ныне, как во времена древние, – свидетели сего многие из наших храмов, кои и существованием и благолепием своим обязаны не другому чему, как усердию и щедродательности душ христоролюбивых. Нельзя видеть без особенного умиления, как многие из людей самых бедных жертвуют, подобно Евангельской вдовице, едва не из последнего лепту на потребу храмов Божиих. Мир и благословение вам, души добрые и простые, от лица воскресшего Господа! Вы среди мрака ночного освещаете лик вашего Спасителя и святых угодников Его, на иконных изображениях; Он, Преподобный, ознаменует свет лица Своего на вас, когда вы будете идти мраком сени смертной. Вы приносите благовонный фимиам для воскурения пред святым алтарем Его; Он удалит от вас действие тли смертной, окружающей нас во гробе. Вы прикрываете Его наготу в храмах, Он покроет вас ризой заслуг Своих в то время, когда вы будете стоять на Суде всемирном. Только не останавливайтесь, добрые души, на дарах, вами приносимых, и не говорите с фарисеем: «десятину даю всего елико притяжу» (Лк. 18, 12), а старайтесь и сами себя, то есть и сердца ваши, уготовлять в «жертву живу... благоугодну Богу» (Рим. 12, 1).

Служа таким образом к радости тех из нас, кои подобно Иосифу и святым женам умеют служить Господу от имений своих, настоящее празднество, в то же время, должно вразумить тех, кои, имея всю возможность оказывать Господу своему подобные услуги, небрегут о сем под разными предлогами. Какие это предлоги? Самый главный из них, сколько случалось слышать, тот, что Господь требует нашего сердца, а не

даров, что истинная жертва Богу – дух сокрушен и сердце смиренно и уничиженно. Так! Этому первее всего требует от нас Господь наш, ибо не за вещественными дарами, а за сердцем нашим сошел Он с неба и взошел на Крест; но разве внешние дела любви и усердие к Святой Церкви препятствуют иметь таковой дух и такое сердце? От сего-то духа и сердца и проистекают таковые дела, так что недостаток их редко, очень редко не свидетельствует о том, что сего благого духа и сего драгоценного сердца нет у нас. В самом деле, что же это за дух сокрушен, который, воздвигая для жительства своего чертоги царские, спокойно допускает до падения стоящий в стороне их храм Божий? Что это за сердце смиренное, которое при всей нечистоте своей почитает себя столь драгоценным, что вместо всех других даров дерзает одного себя гордо класть на Престол Божий? Если есть в таком человеке какое-либо внутреннее сокрушение, то едва ли не то, которое состоит из развалин внутреннего храма Божия, из самых бедных остатков совести и чувства христианского. Если есть в сем случае и какое-либо смирение внутреннее, то разве подобное тому, которое обнаружил в Евангельской притче раб лукавый, когда вместо лихвы от таланта, ему вверенного, представлял боязнь свою не погубить его, употребив в дело. Нет, те, кои действительно имели дух сокрушен и сердце смиренно, те поступали иначе; они, подобно Давиду, стыдились и вменяли себе в грех, что им, по обстоятельствам, доводилось жить в домах кедровых, когда ковчег завета оставался под шатром, и принимали все возможные меры, чтобы прекратить сие неприличие. Справедливо, что «истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною» (Ин. 4, 23), и что такое поклонение может совершаться на всяком месте, а не в одних храмах; но, памятуя сие, мы не должны забывать и того, что Сам Спаситель, Который заповедал нам сие поклонение духом, никогда не пренебрегал храмом Иерусалимским и, во время пребывания Своего в Иерусалиме, нигде так часто не бывал, как в сем храме. Видел Он все богатые украшения сего храма, и ни разу не произнес осуждения на украшавших; напротив, похвалил усердие вдовицы, принесшей в дар храму две лепты. После сего можно ли позволить себе холодность к состоянию храмов Божиих! Святые Таинства веры очевидно не могли избрать себе в обителище наши жилища; для них необходимо святилище; но для святилища, в свою череду, необходима чистота, удобность, благолепие священное. Вы же сами, кои хотели бы ограничиться поклонением Богу духом и истиной, и под сим предлогом уволить себя от усердия в пользу храмов Божиих, вы же сами останетесь ли покойны в духе, если под вами начнет шататься от ветхости помост храма, или если

над главами вашими не будет прочного покрова, защищающего вас от перемен воздушных? Напротив, вы первые требуете от храмов не только удобства, но и всего благолепия священного. Перестаньте же быть в разногласии сами с собой; воодушевитесь духом благочестия, не на одних словах, а на самом деле, и вы не будете более безчувственными свидетелями ветхости и наготы храмов Божиих, действительно проникнитесь той истиной, коей требует Спаситель от поклоняющихся Отцу Его, и сия истина откроет вам очи и покажет, как далеки вы от исполнения своего долга. Ибо то ли истина, когда в ваших домах все блистает светом искусственным, и ночь претворяется в день, а в храмах Господних не будет света перед иконой Спасителя и Матери Его? То ли истина, когда вы предстоите святилищу в богатых одеждах, для коих материалы собраны со всех краев света, а Спаситель ваш должен исходить пред вас в Пречистых Тайнах Своих едва-едва покровенным одеждой, и притом ветхой и малоценной? То ли истина, когда вы принимаете от Него в храме самое Пречистое Тело и Кровь Его, а свое усердие к Нему ограничиваете теми малыми лептами, кои подаете обыкновенно самому последнему из нищих!

Преследуемые таким образом истиной за свою холодность и неусердие к храмам, некоторые думают укрыться под кровом человеколюбия. Чем жертвовать на мертвые храмы, лучше, говорят они, употребить избыток имуществ своих на вспоможение живым храмам, то есть меньшей братии Христовой, – бедным. Дал бы Господь, чтобы те, кои говорят или думают таким образом, и поступали точно так, как говорят! Премилосердный Спаситель наш и ныне отказался бы от всего в пользу тех, за коих Он пролил Кровь Свою; остался бы нагим и алчным, только бы они все были одеты и насыщены. Но есть немало причин думать, что подобное человеколюбие остается на одних устах и составляет только предлог.

Впрочем, допустим его во всей силе и спросим сих благотворителей человечества, зачем они хотят быть благотворителями только одних членов тела, и оставляют без помощи Главу? Ибо Спаситель, как мы заметили уже, и теперь подлежит лишениям и нуждам, находясь Пречистыми Тайнами Своими в наших храмах. В продолжение земной жизни Своей Он был по плоти всегда в одном только месте, а ныне присутствует в каждом храме; везде посему нужен для Него кров, везде потребна одежда. Присутствуя на земле лично, Он окружен был чудесами, кои возвышали лицо Его, и, несмотря на окружавшую Его бедность, делали Его предметом уважения для всех. Теперь, во храмах, окрест Его

нет видимых чудес, посему необходимо и внешнее благолепие для выражения внутреннего величия Таинств. И мы, последователи и члены Тела Его, откажем Ему в сей необходимой услуге?.. Откажем под тем предлогом, что вся милость и усердие наше к Нему истощены на Его меньшую братию? Есть ли в сем случае хотя капля искренности? А если мы действительно искренни в сем случае, то – да будет позволено сказать – уж слишком неразумны, воображая напрасно, что услуга Церкви не есть услуга человечеству. Ибо разве ближний наш состоит из одного тела, а не и души вместе? Разве он имеет нужду в одной одежде, хлебе и крови и не нуждается в храме, в богослужении и Таинствах? Как же, оказывая ему милость по плоти, не оказывать ему же тем паче милости по духу, доставив ему возможность бывать как можно чаще во храме, поучаться там словом Божиим, услаждаться зрением священнодействий? Здесь, во храмах, воздвигнутых или украшенных нашим усердием, бедняк найдет то, чего мы не можем доставить ему со всеми нашими пособиями, то есть пищу своему сердцу, освящение благодатью Святаго Духа. Даже самая вещественная помощь на нужды телесные нигде так удобно не приобретается бедностью, как при храмах, ибо нигде так не разверзается ни сердце, ни рука на подаяние милостыни бедным, как в храмах, после богослужения. Аминь.

Слово в неделю 4-ю по Пасхе

"В тех (притворах) слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» (Ин. 5, 3)

Неудивительно, что при купели Силоамской находилось весьма много больных: в ней действовала сила Божия, но действие оной было весьма ограничено. Сходили на купель не многие Ангелы, а один: «Ангел Господень» (Ин. 5,4). И один Ангел сходил не каждый день, а только один раз в году: на (всяко) лето. И раз в году сходил не на все протоки Силоамского источника, а на один главный: «схождаше в купель». Притом не каждый, сшедший в купель по возмущении воды, получал исцеление, а один тот, кто сходил в нее первый: «и... первее влазаше по возмущении воды, здрав бываше» (Ин. 5, 4).

Но можно ли, братие, не удивляться, когда находим множество больных при купели христианской, при купели благодати, коея купель Силоамская была только слабым изображением? Здесь не один Ангел, но весь сонм чистейших духов, Сам Сын Божий и Дух Святой нисходят на землю для подания врачевства страждущим; здесь не одна купель источает исцеление, а, можно сказать, столько купелей, сколько болезней и сколько больных; здесь не один раз в году открывается источник жизни, а, единожды истекши из ребра прободенного Искупителя, течет через все времена и веки; здесь не один тот получает здравие, кто приходит к источнику исцеления первый, а все от первого до последнего, кто бы и когда бы ни пришел. Между тем, если о числе исцеленных судить по обилию иждиваемых врачество, то купель христианская исцеляет больных менее, нежели купель Силоамская.

Отчего это? Почему реки благодати, изливаемые на нас, не источают нам здравия душевного, между тем как и одной капли ее достаточно для того, чтобы в нас самих открылся источник воды, текущей в живот вечный? Можем ли мы, подобно расслабленному, сказать: «человека не имам, да, егда возмутится вода, ввержет мя в купель?» (Ин. 5, 7). Но при купели благодати множество духовных врачей и помощников; притом Сам Бог, устроив ее, повергает в нее недужных. Тем паче, осмелимся ли, подобно тому же расслабленному, сказать, что мы приходили к ней, но не получили исцеления? Но так говорить – значило бы обманывать себя самих, значило бы представлять лживым Самого Бога, Который сказал, что "если мы исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1Ин. 1, 9). Напротив,

без всякого сомнения должно сказать, что многим из вас уже говорено Небесным Врачом, и, может быть, говорено не раз; встань, возьми постелю твою и ходи, а они – продолжают беспечно лежать во грехах! Итак, что же виною того, что всемогущая сила благодати не может исцелить наших душевных недугов? Виной сему, братие, мы сами, виной сему наше нехотение.

«Но возможно ли, чтобы кто-нибудь из нас действительно не хотел своего спасения и сам себя обрекал в добычу ада? По благодати Божией, мы не дошли еще до такого ожесточения». Действительно, братие, мы не дошли еще до сего губительного состояния, мы желаем спастись, и если бы каждому из нас, так же как расслабленному, предложен был Небесным Врачом вопрос: «Хочешь ли быть здоровым?», то, без сомнения, каждый бы отвечал: «Ей, Господи! хочу». Но каждый ли отвечал бы правду? Как много нашлось бы таких, кои, не думая обмануть Всеведущего, были бы обмануты в сем случае сами собой! Ах, мы нигде столько не обманываем самих себя, как в деле собственного спасения, хотя обман нигде так не пагубен, как в сем деле! Кто искренно желает своего спасения, тот делает все то, что служит ко спасению. Кто искренно желает своего спасения, тот удаляется всего того, что препятствует делу спасения. Два признака сии столь же верны, сколько просты: воспользуемся ими для нашего вразумления.

1. Кто искренно желает своего спасения, тот исполняет все то, что служит ко спасению.

Пример расслабленного служит самым убедительным доказательством этой истины. Более полжизни простертый на одре болезни, которая похитила у него все, кроме желания здравия, оставленный всеми людьми и всеми членами своего тела, он собирает последние остатки сил, дабы принести их в жертву желанию жизни, воздвигается от тридцативосьмилетнего одра и влечет себя к целебной купели. Уже он достигает последнего предела своего краткого и вместе долгого пути; уже примечает признаки наступающего возмущения воды, уже готов повергнуть себя в купель – и вдруг видит, что исцеление предвосхищено другим!.. Какое искушение для того, кому пройти пять притворов Силоамских стоило более, нежели для другого обходить все грады Иудейские! Но расслабленный телом не изнемогает в духе: каждый год подвергается тому же искушению, и каждый год приходит к купели. Не очевидно ли, братие, что он искренно желал своего выздоровления, ибо делал для сего все что мог.

Так ли поступаем мы? Делаем ли для своего спасения все, что можем

делать? Мы не можем собственными силами творить дел истинно богоугодных, тем паче не можем сами собой исторгнуть корень греха, в нас живущего, но мы можем воздыхать о свободе чад Божиих, умолять Отца Небесного о том, чтобы изведена была из темницы греха душа наша; можем, посредством верности остаткам естественного света, соделать себя способными к принятию благодати Божией. Тем паче, по принятии ее, можем и должны трудиться вместе с нею над усовершенствованием себя в добродетели, «возгревати дар Божий, живущий в тебе» (2Тим. 1, 6), теплой молитвой, чтением слова Божия, обращением с людьми, успевшими в духовной жизни; можем и должны, «забывая... задняя, простираться в предняя» (Флп. 3, 13), «искать больших» и лучших даров (1Кор. 12, 31), «быть готовыми на всякое дело благое» (2Тим. 3, 17), всегда более усовершеншаться «в деле Господнем» (1Кор. 15, 58), изыскивать способы к совершению всего того, «что... истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно», что составляет добродетель и похвалу (Флп. 4, 8). Приводим ли мы в исполнение эту драгоценную возможность? Питаем ли в себе искреннее желание сделаться лучшими, нежели каковы мы все по природе? Стараемся ли быть неукоризненными перед судом совести и соблюдаем ли чистоту ее? Мужественно ли исходим на брань против пороков и не уступаем ли им победы над собой без всякого сражения с ними? Умоляем ли Бога о помощи и верно ли употребляем средства, дарованные нам для нашего спасения? Ревностно ли занимаемся чтением слова Божия и стараемся ли исправлять недостатки, которые замечаем в самих себе, когда смотримся в сие зеркало истины? Часто ли входим во внутреннюю клетку нашу для исповедания пред Отцом Небесным согрешений наших и всегда ли затворяем за собой двери? Исполняемся ли радостью, когда нам говорят: «в дом Господень пойдем» (Пс. 121, 1), и входим ли в него с сердцем сокрушенным и духом смиренным? Подражаем ли святым Божиим человекам и находим ли удовольствие в обращении с ними? Радует ли, найдя случай оказать помощь страждущему человечеству, и печалимся ли, когда ничем не можем утешить бедствующего брата, кроме желания ему помощи свыше?

С кем, братие, происходит все сие, того жизнь никак не может походить на жизнь миролюбцев; тот на все земное смотрит по отношению к небесному, во всем видимом ищет невидимого, вечного; тот готов отказаться от всего и все почесть уметом, чтобы приобрести или не потерять Христа; у того мысль о вечности есть первая и последняя мысль, усовершенствование себя в добродетели – первое и последнее желание;

для того самые приятные минуты в жизни, когда он свободно может предаться размышлению или беседе о блаженстве небесных собратий своих; для того самые горестные минуты в жизни, когда он не чувствует внутреннего влечения к небу; тот не смущается никакими превратностями жизни, кроме тех, в коих подвергается опасности спасение или его, или его собратий; тот судит о счастье и несчастье ближних своих, о их достоинстве и недостоинстве, не по успехам их в делах мирских, но по преспеянию в делах любви и самоотвержения; того самые удовольствия отзываются тоской о небесном отечестве; того самые сновидения представляют святые изображения надежд сердечных; кратко, того жизнь есть видимое приготовление к жизни лучшей, к будущему пребыванию с Богом.

Такова ли, братие, наша жизнь? Если такова, то мы искренно желаем спастись, смело можем стучать в двери Божественного милосердия и совершенно можем быть уверены, что нам не будет сказано: «не знаю вас» (Мф. 25, 12). Но если не такова, то, судите сами, можно ли желать искренно своего спасения и не делать того, что служит ко спасению? Между тем, братие, как много из нас найдется таких, которым собственная их совесть должна в сем случае сказать: не такова, не такова!

2. Кто искренно желает своего спасения, тот удаляется всего, что препятствует делу спасения.

«Посмотрите», – говорил некогда апостол Павел Коринфянам, – посмотрите на позорище (1Кор. 1, 26–27). В чем не отказывают себе, от чего не воздерживаются подвизающиеся на нем, дабы соделать себя способнее к достижению венца победного? Между тем, какой это венец, для достижения которого отказываются от всего? Венец тленный, который нередко увядает прежде, нежели украсит главу победителя. Если же они, продолжал апостол, воздерживаются от всего для получения венца тленного, то можно ли не воздерживаться нам, которые подвигаемся для получения нетленного? Исполняется ли, братие, в нас это апостольское учение? Удаляемся ли мы всего того, что может препятствовать нашему спасению? Мы знаем, что все, находящееся в мире, есть «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская», что «кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1Ин. 2, 16, 15), что любовь к миру «есть вражда против Бога» (Иак. 4, 4); последуем ли совету апостола: «не любите мира, ни того, что в мире» (1Ин. 2, 15), не делать и не говорить ничего по-мирскому? Мы знаем, что плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия, что закон плоти во всем противоположен закону духа, что угождение плоти влечет в плен греха, – распинаем ли плоть свою «со страстями и похотями» (Гал. 5,

24), «умерщвляем ли земные уды ее» (Кол. 3, 5), находим ли удовольствие «в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях» (2Кор. 12, 10), которые, преогорчевая плоть, воскрыляют дух наш? Мы знаем, что, общаясь с человеком развращенным, можно и самому сделаться развращенным, что развратные беседы портят самые благие нравы: отвращаемся ли «всякого брата», бесчинно поступающего, удаляемся ли «собрания людей лукавых и развратных», бегаем ли пути нечестивых «и седалищи губителей?» (Пс. 1, 1). Мы знаем, что рассеяние, служба препятствием успеху в делах мирских, тем паче вредит преспеянию в деле благочестия, что у кого очи блуждают по концам мира, у того не может быть целым ни ум, ни сердце; уклоняемся ли от шума мирского, устранимся ли тех случаев, в которых можем подвергнуться опасности потерять из виду наш долг, нашу совесть и наше спасение, убегаем ли, подобно Давиду, в пустыню сердца, дабы там чаять спасения от Господа? (Пс. 54, 8–9). Мы знаем, что страсти суть самые опасные враги добродетели, что человек, ими обладаемый, подобен волне морской, ветром поднимаемой и разбиваемой; преграждаем ли им вход в наше сердце, изгоняем ли из него в случае насильственного вторжения их?

Кто делает все это, братие, у того солнце «не зайдет во гневе» (Еф. 4, 26), тот самому умеренному веселью готов сказать: «что ты делаешь?» (Еккл. 2, 2); тот не только не сетует на законы воздержания и лишения, предписываемые Церковью, но паче распространяет их влияние на все потребности тела своего и собственным примером старается уполномочить их важность и защитить от нареkania в строгости; тот, при всем снисхождении к плоти, никогда не перестает смотреть на нее, как на ленивый прах, коим обременяется дух деятельный, и, почитая в ней будущего сонаследника вечной славы, бодрственно преследует настоящего изменника в брани; тот не прежде вступает с кем-нибудь в союз приязни и дружества, как совершенно уверившись, что он может разделять с ним не одни земные, но паче небесные надежды, и тотчас расторгает оный, как скоро примечает, что находящийся с ним в союзе начинает любить более славу человеческую, нежели Божию; для того весь мир со всеми его прелестями представляет унылую страну изгнания; для того все блага земные подозрительны, ибо он знает что самые невинные из них погубили многих навеки; кратко, того вся жизнь есть постепенно возрастающее удаление от суеты мирской, постепенно увеличивающееся торжество над чувственностью.

Такова ли, братие, наша жизнь? Если такова, то мы искренно желаем своего спасения и, без сомнения, вскоре услышим вожделенный глас:

«встань, возьми постель твою и ходи!» (Ин. 5, 8). Если же не такова, то сколько бы ни говорили мы о нашем желании спастись, в нас нет сего желания; ибо, судите сами, можно ли желать спасения и не удаляться того, что препятствует делу спасения? Между тем, братие, сколь многим из нас должна сказать и в сем случае собственная совесть: не такова, не такова!

Какова же? Делаем ли, по крайней мере, для неба то, что делаем для земли? Делаем ли для приобретения спасения то, что делаем для сохранения здоровья, для исцеления себя от болезней, для приобретения почестей и богатств, для поддержания благоволения к нам высших нас, для доставления себе минутных выгод, кратких удовольствий? Постыдное сравнение! Но, между тем, едва ли не постыднее для многих из нас следствие оно, едва ли некоторым из нас не скажет и в сем случае собственная совесть: не делаем, не делаем и сего! Делаем ли же хотя что-нибудь для своего спасения? Без сомнения, братие, каждый из нас делает для сего что-нибудь, но как много найдется таких, у коих это что-нибудь, при строгом и беспристрастном исследовании, должно обратиться – в ничто! Что же мы делаем?.. Что бы ни делали, но если не делаем для Бога, то делаем для врага Его, для нашей гибели, для ада!

Между тем, чего желаем мы и чего ищем? Неба, вечности, Бога!.. Ах, братие, можем ли мы, при нашей духовной недеятельности, не ощущая стыда, даже наименовать величественные предметы наших желаний? Мы любим издеваться над теми, кои для достижения какого-нибудь важного в делах мирских предприятия употребляют малые и недействительные средства, и называем их мечтателями, людьми безрассудными; чем же должно назвать нас, которые надеемся получить от Небесного Судии в награду целое небо за такой труд, коего земные судии не почли бы достойным награждения малым пространством земли?.. Древние защитники христианства упрекали мудрецов языческих, что они, много требуя от человека, слишком мало обещают ему; не могут ли нынешние язычники сделать упрека многим из христиан, что они, обещая себе все, ничего не требуют от себя? Удивительно ли после сего, если в наши времена некоторые усомнились в самом существовании наград небесных? Ах! Постыдная хладность к небу самых христиан, для коих и существует небо, всякого может заставить спросить: существует ли небо?.. Удивительно ли, что некоторые усомнились в действии самой благодати на сердце человека?.. Принимая вотще сию Божественную силу, сокрывая без всякого плода и как бы уничтожая ее в себе совершенным небрежением о ней, мы по необходимости пролагаем путь к сомнению в ее действительности и самом бытии. Таким образом, наша слабость и

недеятельность в деле спасения – причина того, что в очах людей погибельных Самое Божество кажется недейтельным! Таким образом, сокровище благодати, ниспосылаемое нам для искупления вечного богатства, по причине нашего злоупотребления, не только не обогащает нас, но служит поводом к упреку в бедности против Того, Кто ниспосылает оное! Что, думаете вы, братие, может быть следствием сего злоупотребления дарами благодатными?.. Правосудный не будет наказывать нас, как древних израильтян, отвращением лица Своего от нас; Он не будет закрываться облаком, чтобы не дошла к Нему молитва наша; Он не будет отнимать у нас пророков и вождей, не пошлет на нас и глады слова Своего, оставит нам Самое Тело и Кровь Сына Своего; но отнимет от нас благодать Свою! Тогда самые пророки и вожди наши будут провещать нам суетная (Плач. 2, 14); тогда мы будем молиться, и молитва наша, не очищая грехов наших, сама будет обращаться в грех (Пс. 108, 7); будем читать или слышать слово Божие, и вместо «вони жизни» станем обонять в нем «воню смерти» (2Кор. 2, 16); будем вкушать Плоть и пить Кровь Христову, и сия пища спасения будет служить для нас только в суд и осуждение; тогда – ужасно и помыслить! -самые лучи Небесного милосердия будут споспешествовать только к тому, чтобы мы, как плоды гнева, скорее созрели для вечной погибели! Знаю, братие, что теперь неважно для многих из нас слышать подобные угрозы с сего священного места; между тем, если мы захотим, они могут спасти нас. Важно, весьма важно будет вспомнить о них перед Престолом, окруженным тьмами Ангелов, но тогда они не спасут никого из нас. Итак, доколе купель благодати не престала возмущаться заслугами нашего Ходатая, соберем последние остатки сил душевных, дабы приблизиться к ней, и повергнуть в нее бремя грехов, нас подавляющее. Аминь.

Слово в неделю Всех святых

Ныне праздник во имя Всех святых, а мы собрались праздновать его среди жилища всех – мертвых! По празднику ли место? Думаю, что весьма по празднику; ибо мертвые ближе нас к святым уже потому, что, разрешившись от уз плоти, находятся с ними в одном и том же мире, невидимом; еще мертвые ближе нас к святым тем, что, подобно святым, не грешат уже более, по крайней мере не грешат подобно нам, грешным. Смотри на дело с сей стороны, я даже не знаю, братие, что более должно называть кладбищем – то ли место, где почивают усопшие, или то, где находимся мы, живые. Ибо здесь, среди такого множества почивших плотью, без сомнения, есть немалое число живых духом; а среди нас, живущих по плоти, един Бог ведает, есть ли люди не мертвые духом.

Итак, место празднования нашего весьма по празднику; и те поступили весьма хорошо, кои храм здешний, предназначенный особенно для молитв за умерших, посвятили памяти Всех святых; ибо сим самым души, почивающих здесь усопших отданы под могущественное покровительство Всех святых, так что каждая душа может иметь между ними особенного, себе свойственного, ходатая. Благоразумно поступили, братие, и вы, что для празднования в честь Всех святых собрались в таком множестве сюда, на место всех усопших, ибо и святые и мертвые внушают нам, живым, одну и ту же важную истину: «смертные, живите для Бога и добродетели; без этого все, что вы ни делаете, что ни приобретаете, чем ни отличаетесь, все – суета и ничтожество!»

Это говорят нам, во-первых, Все святые. Как говорят?.. Самым образом жизни и званием своим. В самом деле, братие, в мире было много людей славных и могущественных, кои потрясали целые царства и народы; много было людей богатых, кои не знали числа своим сокровищам; много было мудрых и ученых, кои знали все – от кедра до иссопа, от солнца до песчинки: и, однако же, мы не празднуем во имя ни одного из сих людей. А в честь кого празднуем? В честь тех, коих мир большей частью или не знал, или, зная, почитал буими, или даже гнал и довел до смерти, из коих, по описанию апостола, одни «камением побиени», или «претрени быша», другие... «убийством меча умроша», почти все были «лишени, скорбяще, озлоблени... в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных» (Евр. 11, 37–38). Таких людей, а не знатных, не великих, по мнению мира, празднуем мы память. Что значит это? То, что и могущество, и богатство, и слава, и мудрость земная не составляют

вечного достоинства человека, что все это значительно только до гроба, а там потребно другое, совершенно другое. Что именно? То самое, за что убожаются святые. Это, как вы слышали при чтении нынешнего Апостола, это – смирение, терпение, чистота духа и тела, любовь к Богу и ближним, добродетель, богоподобие. Кто успеет обогатить и отличить себя сими драгоценными качествами, тот, хотя бы ничто был для мира, хотя бы ничего не имел, хотя бы всю жизнь провел в презрении, рабстве и нищете, будет велик у Бога, получит то, с чем не сравнится никакая слава земная, никакое блаженство временное. Вот чему поучают нас все святые! Это же самое внушают нам и все мертвые. Как внушают? Самым настоящим состоянием своим.

В самом деле, подумайте! Между погребенными здесь немалое число таких, кои отличались почестями, занимали важные места, имели влияние на многих; пойдите теперь и спросите, кого угодно из них -что, помогла им их важность при смерти, защитила ли от болезней тела, от ужасов и томлений духа?.. Если бы не какой-либо крест или камень над их могилой, то ее нельзя было бы отличить от могилы самого последнего нищего.

Так смерть смиряет гордыню и величие наше, ибо почести и отличия – без веры и добродетели – суета! Между почивающими здесь также немалое число людей, кои обладали великими стяжаниями, составляли зависть многих; пойдите, спросите любого из них – что взял он с собой из своих сокровищ? Увы! Наги все пришли мы из утробы матерней, едва не наги отходим и в утробу земли. Смерть отъемлет все, ибо стяжания и богатство – без страха Божия и дел милосердия – суета. И что, если бы каким-либо чудом дано было всем, здесь почивающим, восстать из гробов и возвратиться к прежним занятиям? Многие ли возвратились бы к ним? Думаете ли, что честолюбец снова начал бы гоняться за почестями? Что сребролюбец опять стал бы погребать вместе с золотом сердце свое в сундуки? Что плотоугодник паки пошел бы валяться в болоте чувственных удовольствий? Нет, наученные опытом, они все, думаю, и не посмотрели бы на то, что прежде так занимало их; каждый поспешил бы в уединенное место, дабы там плакать о своих грехах и приуготовить себя к вечности.

Чего нельзя уже сделать, братие, умершим, то весьма возможно и удобно для нас. Пользуясь еще всеми средствами благодати, мы можем, легко можем очиститься от всех скверн греховных, и таким образом приготовить себя к переходу в другой мир так, чтобы вступить в него не как узники, которых переводят из одного места в другое подневольно, а как дети, которые с радостью возвращаются из дальней страны в дом отеческий. Воспользуемся же, братие, сей драгоценной возможностью

устроить дело своего вечного спасения, воспользуемся и возвратимся в дома свои с искренней и твердой решимостью жить остальное время живота нашего не для похотей плоти, не для удовольствия мира, а для Бога и добродетели. Это будет истинно великий праздник не для нас только, а и для Всех святых, и для всех мертвых, ибо и святые, и мертвые ничего так не желают нам, живым, как вечного нашего спасения. Аминь.

Слово в неделю Всех святых

В прошедшем году, когда мы совершали здесь в такой же день богослужение и приносили молитвы и моления о почивших здесь усопших братьях и сестрах наших, никто из них не пришел к нам для свидания. Как пришли мы к месту упокоения их, так и отошли от него: без привета, без ответа, одни, скорбя, молча. Вот и ныне принесена уже нами великая жертва за грехи живых и мертвых, уже к концу наше молитвословие, а из почивших здесь братьев наших никто не явился на глас и молитву нашу; их как будто никого нет дома; они как бы все уклонились куда-либо от своего праздника. Что бы значило это? То ли, что мертвые не слышат молитв и воздыханий наших? Или в их сердце уже нет более прежней любви к нам? Или они заняты другим чем-либо, более важным, так что им не до нас?.. Нет, среди могильной тишины, не заглушаемой шумом житейских забот, слух мертвых должен быть гораздо тоньше, нежели у нас, живых, особенно на молитву; в их сердце более любви, чем у нас, ибо они и живут теперь одним умом и сердцем; не может быть у них и занятия важнее молитвы; молитва для них теперь то же, что для нас воздух и пища.

Что же мешает усопшим братьям нашим явиться к нам и провести среди нас их и наш праздник? Из нас, вероятно, многие желали бы сего, особенно те, кои еще не осушили слез после потери присных и любезных сердцу своему; думаю, что из усопших немалое число таких, кои, чтобы доставить утешение оставшимся, весьма бы захотели опять прийти в наш мир. И, однако же, никто, никто не приходит!

Мы не ходим к ним потому, что не можем; без сомнения, и они не приходят по тому самому – не могут. В самом деле, как духу бесплотному, каковы все умершие, подойти под чувства наши? Грубость наших земных чувств такова, что мы не можем видеть многих существ, постоянно живущих среди нас в воде и воздухе, и с изумлением смотрим, когда увеличительное стекло открывает нам этот новый и разнообразный мир вокруг нас. Но для зренья духов и душ нет увеличительного стекла! Тут место не видению, а вере.

«Но если бы угодно было Господу, – скажете вы, – то премудрость Его нашла бы и дала бы умершим средство и способ сделаться для нас видимыми и приходить в сообщение с нами».

Без сомнения, так, но по тому самому, что сего способа не дано, явно, что это не угодно Богу, а поелику не угодно Богу, то должно полагать, что это было бы вредно для нас. В самом деле, немного подумав, увидишь, что

пользы из сообщения живых с умершими было бы мало, а вред мог бы выходить великий. Какая польза? Утешение в разлуке, успокоение сетующих, несколько менее слез на могилу, несколько тише вздохи? Скажите сами, стоит ли из сего поднимать завесу вечности и нарушать безмолвие гробов? И кто еще знает? Утешило ли бы нас это свидание с умершим? Не облились ли бы мы еще горчайшими слезами, узнав о его состоянии? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но, положим, что свидания с умершими всегда доставляли бы некоторое утешение: думаете ли, однако же, чтобы они были безвредны? Я опасаясь в сем случае за многое, опасаясь за живых и за умерших. Всего вероятнее, во-первых, что сообщение наше с миром духов не остановилось бы на должных пределах; многие простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданиям, суеверию, волшебствам, а потом и самым ужасным порокам нравственным. Именно такому злу подвергались некоторые из древних народов, у коих найдены были богопротивные средства сообщения с миром духов, из-за чего Моисей под опасением смерти запретил израильтянам искать сего сообщения.

Во-вторых, на что обратилось бы сношение живых с мертвыми? Думаете ли, что предметом его была бы вера святая, любовь христианская, усовершенствование себя в терпении, в смирении, в кротости? Увы, и без сообщения с миром духов можно быть заранее уверенным, что все это сообщение обращалось бы, большей частью, около предметов не душеполезных: и у одних оно истощилось бы в суетном любопытстве о тайнах мира духовного, знание коих нисколько не назидает душу; у других излилось бы в жалобах на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорчения, земные неудачи; иные потребовали бы от умерших совета, как вести свои дела, выполнить то или другое предприятие. А как исправить свое сердце, как освободиться от страстей, как приуготовиться к вечной жизни на небе – об этом, вероятно, спросили бы немногие, да и для чего спросили бы? Тоже, может быть, более из любопытства, с тем, чтобы завтра забыть то, о чем спрашивали ныне. Таким образом, нравственной пользы от сообщения с миром духов мы приобрели бы мало; а между тем, возможность сообщения с другим миром непрестанно возмущала бы порядок нашего мира, нарушала бы правильное течение наших дел и занятий, наших мыслей и желаний. Задумали бы, например, какое-либо предприятие, – ждали бы, пока можно получить о нем мнение из другого мира. И кто знает, какое мнение? Мертвые не всеведущи, нередко мог быть подан совет неблагой, а мы увлеклись бы им.

Наконец, поелику здешняя жизнь наполнена разного рода

неудовольствиями, то, видя часто разверзающимися пред собой двери вечности, многие по нетерпению стремглав начали бы бросаться в другую жизнь; между тем как теперь не только вера и совесть, самый мрак гроба, своей непроницаемостью, останавливает самых наглых и недовольных своей участью.

И о мертвых нельзя сказать, чтобы возможность общаться с нашим миром не была сопряжена для них с опасностью. Трудно и представить, что бы они приобрели от сего? Знать, что и как бывает у нас в здешнем мире, – они знают и без того. Видеть ничтожность и суету земных дел и помышлений, – это им виднее, нежели нам. Зачем же бы они приходили к нам? Доканчивать свои неоконченные дела? Это не их дело; иначе, что значила бы смерть? Между тем, не получая для себя пользы от нисхождения в наш мир, усопшие могли бы получить вред из того.

Каждый возврат на землю, более или менее, но всегда приземлял бы их снова. С возвратом к прежним лицам и вещам у многих оживали бы нечистые, земные привязанности; между тем как теперь огонь плотских страстей, как бы они ни были сильны, не имея у мертвых питания от земли, обращенный на самого себя, тускнеет и угасает.

Таким образом, благо и наше, и усопших братьев наших требовало, чтобы завеса, простертая между нашим и их миром, никогда не подымалась, чтобы мертвые и живые были вовсе разобщены на время. И велико ли это время?.. Десять, двадцать, много тридцать лет. Не уезжают ли некоторые еще при жизни на столько времени от родных и своих друзей? В сем отношении мы все живые похожи на людей, стоящих у великой и широкой реки в ожидании переправы: ладья не может вместить сразу всех и, непрерывно возвращаясь, берет по несколько. Но возвращаются ли те, кои переправились через реку, за оставшимися? Никогда: они обыкновенно ожидают их к себе на противоположном берегу. Там, конечно, ожидают теперь и нас сродники и знакомые наши по ту сторону бытия.

Мы молились о успокоении их после плавания, а они, вероятно, приносили моления о нас, чтобы наше плавание к ним было благоотшно и безбедно. Даже, может быть, молились о том, чтобы путь жизни нашей не был продолжителен. Ибо только нам этот мир кажется таким приятным, а настоящая жизнь наша такой дорогой, что жалко с ними расстаться; а для усопших, может быть, совсем напротив. Дознав опытом образ жизни высшей и лучшей, они могут смотреть на нас, как мы смотрим на заключенных в темнице. Кто не пожелает узникам скорейшего освобождения?

Имея в виду все это и тому подобное, перестанем скучать от невозможности чувственного свидания с усопшими братьями нашими. С духами должно быть и свидание духовное, а к такому свиданию открыты для нас все пути. Это – молитва за усопших и дела любви и благочестия, совершаемые для блага их. Такое свидание стократ лучше чувственного: итак, пользуйся им, молись и благотвори за усопшего! А молясь за усопшего брата, готовься и сам к своему успению. Ибо, долга ли и наша жизнь? Как ни продолжай ее в мыслях, а через несколько лет надобно и тебе оставить этот мир и все, что в нем, оставить навсегда, и идти в другой мир, идти не на день, не на год, а оставаться там до конца мира. Как не подумать о сем? Как не готовиться к сему? Как не взять заблаговременно всех мер, чтобы этот важный и решительный переход из одного мира в другой был для тебя как можно безболезненнее и благополучнее? Но разве, спросишь, в моей власти сделать самую смерть тихой и безболезненной? В твоей, совершенно в твоей. Будет ли обольщать тебя пустой надеждой Святая Церковь? Но она каждый день заставляет тебя просить у Господа кончины мирной, непостыдной и безболезненной. Значит, такая кончина возможна для всякого, истинно просящего; о невозможном не было бы и прощения. Но мы вовсе не думаем о сем, поистине драгоценном праве прощения, не думаем и о самой смерти; бояться смерти, – боимся, как нельзя более; плакать и рыдать у гроба, – плачем более язычников и неверующих; а готовиться к смерти, это – как не наше дело. Живем, как бы нам никогда не умирать; оттого, как и умираем? Как бы нам никогда не воскресать. Страх, стоны, вопли, ропот, отчаяние – вот наша смерть! О вере, о бессмертии, об обителях в дому Отца Небесного, о соединении со святыми и с Господом, – нет и воспоминаний. Так ли бы. надлежало умирать христианам? Для этого ли пострадал и воскрес для нас Господь наш? Для сего ли дано нам столько откровений, сколько обетовании, столько Таинств?

Станем же против сего зла, возлюбленные, и опомнимся от нашего нечувствия. Не напрасно собрались мы ныне на место вечного покоя, которое, вероятно, примет в недра свои если не всех, то большую часть из вас: пусть же каждый возьмет с собой отсюда в напутие память смертную; это будет один из лучших плодов нынешнего праздника. А чтобы сия память не ослабевала, старайтесь оживлять ее частым посещением сего места для молитвы и благочестивого размышления на гробах братьев наших.

Несмотря на то, что здесь все мертвы и безмолвны, я уверен, что вы всегда будете возвращаться отсюда живее духом. Не оставляйте и ходя по

торжищам и стогнам града возводить сюда почаще взоры ваши. Ибо не напрасно гора сия видима со всех концов града: это непрестанное напоминание взирающим о их конце. Помните, что дом вам здесь, а там одно кратковременное помещение. Аминь.

Слово в неделю Всех святых

Окончив празднества в честь Воскресшего Господа нашего и всеблагого Утешителя, Им ниспосланного, ныне, в заключение торжеств, мы совершаем память Всех святых. Заключение торжествам Господним самое приличное. Ибо цель, для которой Спаситель наш оставил землю и взошел на небо, для которой Дух Святой оставил небо и сошел на землю, – сия высокая цель состоит не в другом чем, как в освящении грешного рода человеческого, в возведении всех нас на небо. Но лики святых Божиих составляют сонм непререкаемых свидетелей, что сия блаженная цель достигнута, что вознесшийся от нас Спаситель точно уготовал место для всех своих последователей, что снисшедший к нам Утешитель действительно соделывает способными самых плотских людей обитать в обителях Отца Небесного. Ибо что были все святые Божий, ныне нами убажваемые, как не подобострастные нам человеки?.. Почему слава их есть слава Сына Искупителя и Духа Освятителя; без заслуг Сына ни пред одним из них не отверзлось бы небо, а без благодати Духа ни один из них не возмог бы войти и в отверстое небо. Посему, как сказал я, настоящее празднество в честь Всех святых составляет самое естественное и приличное заключение празднеств Господних, ибо само есть непосредственный плод событий, в них воспоминаемых.

Но, братие, в празднествах Святой Церкви и без нашего указания каждый легко может усматривать дивную последовательность и порядок богомудрый. Нужнее спросить: есть ли таковая последовательность, такой святой порядок в наших празднованиях? Мы прошли теперь весь круг торжеств, достигли конца празднеств по времени: достигли ли конца и намерения оных и на самом деле? Приблизились ли к тому, что составляет главный конец всех празднеств и учреждений Церкви, всех Таинств и всего служения ее, всей нашей благодатной и естественной жизни – к нашему освящению во Христе?.. Совершая уже ныне память Всех святых, можем ли сказать о себе, что мы сами сделались свободнее от всего греховного, чище от всего земного и тленного, сроднее в духе со всем духовным и небесным? Это естественный и необходимый плод, который Церковь предполагала видеть в нас ныне, после стольких святых торжеств! Она чаяла, что страдания Господа поколеблют самое упорное во грехе сердце, что с воскресением Его воскреснет в нашем духе все, что еще не успело быть совершенно подавлено грехом, что с вознесением Его на небо поднимутся мысль и желания к небу самых равнодушных, что с

сошествием на землю Утешителя обратятся самые слабые и отважатся вступить на путь веры и любви. Исполнились ли сколько-нибудь сии чаяния? Велика ли в нас жатва после столь долгого сеяния? Что видит теперь в нас Господь наш, приходя с высоты святой славы Своея? Усматривает ли хотя малое соответствие тем великим подвигам, кои Он подъял за нас, находясь на земле? Что нашел в нас Дух Святой, снисшедший к нам от Отца? Может ли Он засвидетельствовать пред Отцом, что земные чада Его еще помнят о своем происхождении и не хотят оставаться навсегда в земле чуждой?

Много ли радостного находят ныне в нас, несмотря на торжество наше в честь их, и святая братия наша на небе? Когда мы празднуем в честь их, и они, без сомнения, не остаются праздными. Мы припоминаем их деяния и подвиги, а они рассматривают наши нравы, образ жизни и действия; видя их труды и победы над врагами спасения, мы не можем не утешаться духом; видя наши падения и измены истине, они не могут не сокрушаться о нас. Что же, если они во многих из нас ничего не увидят, кроме падений и измены? Что после сего будет значить наше празднование в честь Всех святых для самых святых, если не день сетования о всех нас, грешниках?

Таковы наши празднества! Круг церковных празднеств светел и благолепен; круг наших празднеств бывает и темен и безобразен. В круге церковном самые сетования оканчиваются духовным торжеством; в нашем круге самые торжества приводят нередко к духовному сетованию. В самом деле, может ли веселиться о нас вознесшийся Господь наш, когда видит, что крестные страдания Его остаются для многих из нас без всякого плода, что многие из последователей Его живут так, как бы Он и не приходил для спасения их на землю?.. Может ли утешаться нами Дух Утешитель, когда видит, как многие вовсе не памятуя о Его присутствии среди нас, дышат непрестанно духом мира, идут вопреки Его благодатных внушений?.. Может ли принимать с радостью наши величания и небесная братия наша, когда находит, что земная братия их безумно расточает общее всем человекам драгоценное наследие благодати, нисколько не соответствует своему небесному благородству, идет на всякое зло, вопреки воле Отца Небесного?

После сего одно средство соделать нынешнее празднество благоприятным для нашего Спасителя, для Духа Утешителя, и для Всех святых – усвоить себе сетование их о грехах наших. Покаяние все вдруг переменяет. Когда мы начнем сетовать по Бозе, тогда небожители возрадуются, подобно как они сетуют, когда мы предаемся радостям

мирским и греховным.

Но сетованию о грехах прилично ли быть заключением торжеств Церкви? Для праведных, конечно, было бы это неприлично; а для грешников всего приличнее. Больные лечатся и в праздники; а какая болезнь опаснее греха? Впрочем, чем начался круг священных дней ныне заключаемых? Не воспоминанием ли падения Адамова, а в лице Адама и всех нас, потомков его? Посему чем лучше и заключить его, как не восстанием, через покаяние, от падений собственных? Таким образом конец возвратится к началу, и возвратит нас к тому блаженному и безначальному началу, в коем блаженствуют ныне души всех святых братьев наших. Аминь.

Слово в неделю 13-ю по Пятидесятнице

Слышали ль вы гром? Видели ль вы молнию? Эта молния сверкнула здесь; этот гром прогремел в сем храме. Ибо не здесь ли, не с сего ли священного места возглашено было ныне молниеносное слово апостола: «аще кто не любит Господа Иисуса... да будет проклят!» (1Кор. 16, 22). Что же значат все громы и молнии против единого проклятия Божия? Молния и гром поражают в одно известное время и одно какое-либо место на земле; а проклятие Божие, раз изреченное в раю, доселе всю землю заставляет покрываться тернием и волчцами. Гром и молния могут убить тело, отнять жизнь временную; а проклятие Божие может и душу и тело вовек навек в геенну огненную. Итак, надобно прилежнее осмотреться, не стоим ли мы под сим ужасным громом? Не привлекаем ли чем-либо на главу свою этой неугасимой молнии? Даже не поражен ли ею уже кто-либо? Ибо и это может быть, что иной уже поражен ею, и не чувствует своего поражения, подобно тому, как пораженный громом и молниею чувственно не знает своего положения; и, если может быть возвращен к жизни, то помощью благотворительной руки чуждой.

«Аще кто не любит Господа Иисуса... да будет проклят!»

Итак, довольно одной нелюбви ко Господу Иисусу, чтобы обрушиться на нас гневом небесному. А мы обыкновенно думаем, что проклятие небесное поражает токмо самых последних преступников, что для сего надобно быть Каином, Иудой или Арием богохульником. На чем основываясь, думаем мы таким образом? На том, что Бог милосерд, и прочие люди не так худы и злы. Но где же, в ком же более и открылось все милосердие Божие, как не в Лице Единородного Сына Его, за нас на кресте умершего? Если я не люблю сего самого милосердия, то есть Божественного лица Искупителя моего, то что другое остается мне, как не суд, гнев и казнь? «Мы еще не так худы, чтобы быть предметом гнева небесного». Но где же, в ком же вся наша правда и оправдание, как не в том же Лице нашего Божественного Ходатая? Если я не люблю сию правду в Его Лице; то что остается мне, как не моя собственная неправда, и следовательно, гнев небесный? Если бы Лицо Спасителя нашего само по себе было не так любвеобильно, то, может быть, еще было бы сколько-нибудь извинительно – не любить Его, но теперь оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: Спаситель наш «весь любви есть!» Как же не любить сей любви? И что остается не любящему ее, как не гнев и суд? Посему, если бы апостол и не говорил нам страшного слова на тех, кои не

любят Господа Иисуса, то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. В таком случае одно может быть извинение – неведение; а кто знает Господа Иисуса, ведает, что Он сделал и претерпел за нас, и не любит Его, тот не имеет вины о гресе, тот явный враг всего святого и потому неминуемо подлежит отвержению.

«Аще кто не любит Господа Иисуса...да будет проклят!»

Кто же любит и кто не любит Господа Иисуса? Вопрос крайне важный, ибо с любовью соединено все благословение и, следовательно, жизнь вечная; а с нелюбовью – явное проклятие и, следовательно, смерть вечная.

Не любит Господа Иисуса тот, кто не старается узнать Господа Иисуса, то, что Он сделал и намерен сделать для нас, и чего желает и требует от нас. Не любит Господа Иисуса тот, кто не старается исполнять заповеди Его, подражать примеру Его, уподобляться Ему в своих мыслях, нравах и поступках. Не любит Господа Иисуса тот, кто не любит думать о Нем, как можно чаще, представлять Его жизнь как можно живее, поставлять себя в Его невидимое присутствие, давать Ему отчет в своем поведении. Не любит Господа Иисуса тот, кто не любит слова Его, оставленного нам в Евангелии, не любит Церкви, Им учрежденной, не любит Таинств, Им преподанных. Не любит Господа Иисуса кто холоден к Его славе, не старается распространять познания о Нем, не защищает имени Его, не стоит за святость Его Евангелия. Не любит Господа Иисуса кто не хочет лишиться за Него благ временных, претерпеть поношения и гонения от мира. Не любит Господа Иисуса кто не ожидает Его славного пришествия, не водится обетованиями, Им данными, не приносит им в жертву суетных надежд мирских.

Сами видите, братие, что я беру черты любви самые обыкновенные, и, так сказать, неизбежные, такие свойства и признаки, без коих и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сии немногие черты в един образ и приложить его к нам, то много ли найдется любящих Господа Иисуса? Значит, мы едва, не все стоим под страшным словом апостола Христова! Стоим и не думаем о своей опасности! Думаем, напротив, что мы совершенно безопасны, и почему? Потому что носим имя (одно имя) христиан, принадлежим (также по одному имени) к Церкви Христовой, исполняем (машинально) некоторые обряды ее, то есть потому именно надеемся и почитаем себя безопасными, из-за чего надобно было бы страшиться и трепетать!..

Да пробудится же внимание тех, кои способны еще возбудиться от сна и беспечности духовной! Не напрасно слово апостола поразило среди

настоящего служения мысль мою, и повелительно заставило меня отверсть уста на повторение его в слух вам, ибо я не хотел ныне беседовать с вами.

Может быть, между нами есть именно такие души, для коих нужно было такое пробуждение. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится иметь такую любовь ко Господу Иисусу, какую должно иметь, какую Он заслужил от нас? Итак, все со страхом приимем слово апостола и, возвратившись в дома, размыслим: не падает ли оно всею тяжестью своею и на нас? Аминь.

Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице

«Наставниче, об ночь всю труждшеся, ничесоже яхом» (Лк. 5, 5)

Как жалко, братие, слышать сию жалобу из уст бедных всенощных тружеников! Но для чего она столько веков повторяется в Евангелии? Для того ли, чтобы возбудить в нас сострадание к апостолам? Но что нужды в рыбах тем, кои уловили потом своими мрежами всю вселенную? Что нужды в сожалении нашем тем, кои все давно увенчаны славою небесной и стократ, может быть, скорбят и сетуют о нас, что мы так равнодушны к достижению сей славы, и нам предназначенной? Если Евангелие доселе повествует о безуспешной ловле рыб, то потому, что в лице рыбарей апостолов, в сем случае, изображены все мы – с нашими делами и занятиями. Посему я не нахожу предмета более назидательного для собеседования с вами, как приложить сию апостольскую ловлю рыб к нашей жизни.

В самом деле, братие мои, кто все мы в жизни сей, как не разнообразные труженики над счастьем, как не ловцы на море житейских попечений? У каждого есть свои мрежи, своя ловитва, свои успехи и свои неудачи, свои виды и свои цели. Итак, позвольте при настоящем случае спросить вас, какова сия ловитва? Что приобретено доселе каждым из вас? Достигнута ли цель? Удовлетворено ли желание? Довольны ли вы?

Ах, как нам быть довольными, воскликнут многие внутренно, когда и мы, подобно апостолам, «об ночь всю труждшеся, ничесоже яхом!»! Чем не жертвовали мы для достижения, так называемого, счастья жизни; каких средств не употребляли, где и в чем не искали его?.. И все напрасно; время ушло, силы истоцились, волосы наши убелены, руки и ум ослабели; далеко уже за полночь жизни, скоро, может быть, рассвет, – а мрежи наши пусты; мы едва покрываем наготу свою, едва имеем хлеб насущный. «Наставниче, об ночь всю труждшеся, ничесоже яхом!»

Сострадаем вам, бедные и неудачные труженики, но не можем похвалить вас, если вы предаетесь ропоту на Провидение. Бедность тягостна, но кто знает к чему бы привели вас богатство и роскошь? Всего вероятнее, что и с вами случилось бы то же самое, что большею частью бывает со счастливыми мира; вы забыли бы Бога и совесть, предались бы забавам и страстям нечистым, очернили бы душу и жизнь делами неподобными. Что ж удивительного, если благодать Божия, провидя все сие за вас, поставила тайно препятствия на пути вашем и не дала достигнуть цели? Спасла вас таким образом от вашей же душевной гибели? Вместо

ропота на невыгоды своего состояния лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какие это преимущества? То, что вы не опутаны, подобно счастливым мира, с головы до ног узами пристрастий мирских; и потому стократ свободнее их в избрании новых предметов любви и деятельности вашей; то, что ваше сердце и вкус духовный не испорчены ядовитой сладостью чувственных греховных удовольствий, и потому вы скорее можете полюбить блага духовные, благодуще перенести труды и подвиги жизни христианской. Мир не благоприятствует вам, бежит от вас: что же? Бросьте и вы любовь к нему, и обратите вашу душу и сердце всецело к Богу. Мир дорого продает свои блага и милости, а Евангелие предлагает все сокровища свои даром: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совесть ваша будет чиста, сердце умирено благодатью Божиею, насыщено предвкушением блаженства вечного, то все блага мира, кои теперь так вам кажутся прелестны, потеряют для вас цену, вы полюбите самую нищету свою, ибо она делает вас свободными от мира и приближает к Богу.

Другие из вас, братие, могут, без сомнения, на вышепредложенный вопрос сказать совершенно противное, могут указать на обильную, по-видимому, ловитву, на титулы и знаки отличия, ими приобретенные, на кучи металла, лежащие в сундуках их, на дома, ими воздвигнутые, на вертоград, ими насажденные, на множество друзей приобретенных, на множество врагов низложенных, на множество предприятий совершенных.

Приветствуем вас, братие, с сими успехами! Но позвольте еще спросить вас: для чего вы старались приобретать то, что приобретено вами? Для чего достигали почестей и отличий, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побеждали? Ужели для того только, чтобы сказать: я сделал то или другое? Без сомнения, вы имели цель дальнейшую, ту – чтобы доставить душе вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце? Итак, достигли ли, при всех ваших средствах, сей последней цели? Есть ли внутри вас постоянный мир и постоянная радость? Престало ль сердце ваше алкать и жаждать? Умер ли червь недовольства и скуки, грызущий обыкновенно сердце человеческое?

Ах, если, так называемые, счастливыцы мира захотят быть внимательны к состоянию души своей, и сказать то, что происходит внутри их, что они чувствуют и терпят, то и им едва ли не придется повторить жалобу апостолов: «об ночь всю труждшеса, ничесоже яхом»! Нас называют счастливыми, и мы сами себя принуждаем верить тому; но, увы, это счастье только вокруг нас; в нас самих нет его. При всей нашей высоте над собратиями нашими, и при всех почестях и отличиях, когда

заглянешь внутрь себя, то видишь себя в какой-то мрачной бездне, с ужасом отворачиваешь взор от того рабства миру, в коем находишься, от тех бесчисленных принуждений и низостей, к коим прибегать надобно было для достижения внешнего величия и даже доньше прибегать надобно для поддержания его. Мы приобрели богатство, и оно дано нам в средство к удовлетворению нужд телесных; но зато принесло с собой множество горьких забот душевных. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сон безпокоен и нередко бежит от нас, огорчений, печалей, недугов – тьма! В чувственных удовольствиях нет недостатка; но они давно перестали улаживать нас: чувства полны, а сердце пусто, душа ноет, совесть преследует, и мы нередко принуждены завидовать мирной доле последнего бедняка. Будущее каждый час более страшит, нежели радует. Не рассыплется ли собранное нами? Не возвеет ли противный ветер, не опрокинет ли храмины счастья? Ах, мир так лукав и изменчив, обстоятельства так шатки и сомнительны, связи так непрочны, что никто не может поручиться за один следующий день. И что будет тогда с нами и нашими семействами, привыкшими к неге и роскоши? А когда подумаем еще о последнем часе жизни, а он видимо приближается, то трепет объемлет сердце; когда вспомнишь о том, что взять с собой в вечность, с чем явиться на суд, то с горестью видишь, что для неба еще ничего не приготовлено, что все приобретенное принадлежит земле и тлению, и должно оставить нас, и если бы только оставило! А что, если пойдет за нами, и будет там свидетельствовать против нас о тех неправдах, коих стоило приобретение, о тех соблазнах, коими сопровождалось употребление, о тех грехах, коим оно служило поводом и орудием? Такие мысли не дают покоя, преследуют тайно день и ночь, томят душу, изъедают сердце, заставляют и нас сказать: «об ночь всю труждшеся, ничесоже яхом!» Всю жизнь провели, по-видимому, в счастье; а истинного счастья не достигли, не достигли!

Что сказать вам, братие, на ваши жалобы? Какой совет преподать? Поощрять ли к новым трудам и усилиям на поприще земного счастья?

Обещать ли вам то в будущем, чего вы не нашли в прошедшем и не находите в настоящем? Но это значило бы обманывать и себя и вас. Нет, братие мои, как ни прискорбно, может быть, для некоторых из вас будет услышать истину, но мы должны возвестить ее в слух всех. Доколе останетесь вы на пути мира, в рабстве плоти и чувствам, дотолé никогда не достигнете истинного счастья. Мир не может дать, чего сам не имеет. Свидетель – Соломон. Чего недоставало у него? Чего не мог он сделать, как царь и мудрец? И все делал, и все испытал: что же нашел? Нашел, что

в нашем мире все суета и крушение духа, все, кроме страха Божия и добродетели. То же будет и с вами, если вы останетесь на том же пути, при тех же средствах к счастью: испытав все, вы не найдете его ни в чем, и в самом конце жизни принуждены будете сказать: «об ночь всю труждшеся, ничесоже яхом»! Но как горька и вместе бесплодна будет тогда сия жалоба!

Что же, спросите, должно делать? Переменить путь, цель и средства, посвятить себя Богу и вечности, начать трудиться для души и неба, устремиться к подвигам веры и добродетели. Это не означает того, чтобы оставить свое звание, или остановить течение ваших дел житейских. Нет, пусть они текут своим порядком: «кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает» (1Кор. 7, 20). Но вы трудились доселе для земли и времени, во всем искали токмо своих выгод и своего удовольствия, во всех случаях и отношениях водились самолюбием; Бог и вечность, совесть и душа были предметами второстепенными, может быть, последними. Да станет теперь все на свое место! Божественное, духовное, вечное, – да возьмет верх и господство над земным и чувственным; вместо самолюбия да соделается источником действий любовь к Богу и ближнему; блага земные – да употребятся на дела благие, несчастья и скорби – да переносятся в смирении и преданности воле Божией, приготовление к смерти – да займет главное место между всеми попечениями! Когда произойдет сия благотворная перемена с вами, то мы, именем Господа, обещаем покой душам. Счастью земному не повредит это: напротив, оно очистится, освятится и получит истинную цену для вас. Самое несчастье, если бы Господу угодно было послать его на вас, потеряет горечь, ибо вы увидите в нем врачевство для исцеления от греховной проказы душ ваших.

Вот наш совет, братие, совет всем и каждому! Другого не можем дать, ибо другого нет в Евангелии. Аминь.

Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице

И не быв сердцеведцами, можем сказать утвердительно, что среди настоящего богослужения многие из вас переносились мыслью на полуостров Таврический и думали: что там? Стоит ли еще наша единственная твердыня – Севастополь? Не упали ль духом его мужественные защитники? Не угрожает ли им какое-либо злоключение?.. Если подобные мысли происходили не от одного любопытства, а из любви к Отечеству, и сопровождались сердечной молитвой о благословении нашего оружия свыше, то мы не почтем их безвременными и неуместными, даже здесь и теперь. Ибо сама Святая Церковь, которая в другое время возглашает среди богослужения: «Да молчит всякая плоть человека, и ничтоже земное в себе да помышляет!» – теперь она же каждую литургию преклоняет колена и молится со всеми чадами своими о победе над врагами. Посему-то и мы, когда предстали ныне сему престолу благодати на служение во храме сем, то одним из первых помыслов наших была мысль о судьбе тех, кои подвизаются теперь на полуострове против врагов нашего Отечества, и мы от всей души молили Господа, – да будет Он милостив к ним, и да пошлет Ангела Своего, споборающа им во всем и жнуща пред ними врагов. Если грехи наши возбудили собой праведный гнев Его, то да прольется чаша наказания на нас, сколько возможем понести, но да не будут они препоной к успехам оружия нашего и да не приведут за собой торжества над нами врагов наших.

По сему-то, может быть, самому расположению духа, среди настоящего богослужения, пришло мне на память одно весьма примечательное сказание, в коем содержится как бы некое пророчество о судьбе Крыма, могущее в настоящих смутных обстоятельствах наших послужить и к ободрению и к назиданию нашему.

Хотите ли выслушать это сказание?

В царствование Михаила Феодоровича, следовательно, более нежели за двести лет пред сим, когда ханство Крымское было еще весьма сильно и грозно, а тогдашняя Россия, после самозванцев и смут внутренних, находилась в слабом и истощенном состоянии, отправлено было из Москвы в Крым посольство для заключения договора, между прочим, об уступке России – чего бы вы думали? – небольшого пространства земли на правом берегу Днепра, там, где ныне наш Александрыйский уезд. Пребывание послов наших в Крыму было крайне трудно и стеснительно: от разных нужд, а более от надменности и обид со стороны татар, многие

из посольства впали в болезнь и лишились жизни; другие, ища утешения для себя в святой вере, начали посещать древние святые места, коими Крым был тогда еще богаче, чем ныне. В числе прочих священных древностей христианских посещена ими была и древняя церковь, находящаяся в скале Инкерманской, вблизи нынешнего Севастополя, примечательная особенно тем, что на сем месте, в начале еще II века христианского, подвизался и приял венец мученический сосланный туда на заточение святой Климент, папа Римский. Здесь, в одном из малых приделов церковных, нашли они почивающими святые мощи угодника Божия, кои поразили внимание их необыкновенной своей целостью и цветом жизненным. Обитавшие еще тогда при сей церкви православные греки рассказали им о чудесах от сих мощей над татарами, но имени святого угодника не могли сказать, потому что по новости своего поселения сами не знали его. Известно было только, что святые мощи почивают там с незапамятных времен.

Состояние церкви и положение святых мощей показалось соотечественникам нашим, привыкшим к благолепию святынь Московских, крайне скудным и жалостным, ибо татары, хотя боялись святого угодника за его чудеса над ними, но не благоприятствовали месту его покоища и не допускали в нем никакого благоуукрашения; а, кроме того, проживавшие там греки сами находились в нищете и угнетении, даже видно было, что недолго дадут им и жить там. Как добрые христиане и усердные сыны Церкви, соотечественники наши возревновали о чести святых мощей и решились выпросить их у греков, дабы перевезти с собой тайно в Москву. Тяжело было бедным, но усердным к вере грекам разлучиться со своим святым угодником; но подумав зрело о своем положении, тягостном в настоящем и безвестном в будущем, они решились, для славы Божией и для большего прославления святых мощей, передать их благочестивым москвитам. Для сего немедленно уготована была последними рака для вложения мощей, благоприличный покров на них, и все прочее; оставалось только взять их неприметно для татар, но под тот самый день, когда надлежало совершиться сему делу, угодник Божий явился ночью во сне одному из послов наших и сказал так: «Други мои, вы желаете взять отсюда мощи мои в Москву; а мое намерение совершенно другое: я хочу здесь, в Крыму, утвердить Россию; посему оставьте меня здесь. Память моя 1 сентября». После такого видения естественно оставлена была всякая мысль о перенесении святых мощей из Крыма в Россию. Вместо сего изветшавшая рака заменена была новой, покрыта благоуукрашенным покровом, и церковь снабжена всем нужным.

Как бы в возмездие за такое усердие, угодник Божий вскоре после того явил благодатную силу свою у Господа, чудесно преподав исцеление от тяжкого недуга одному из тех наших соотечественников, кои особенно усердствовали к святым мощам его.

Таково древнее сказание о Крыме! Прибавим, что историческая достоверность сего сказания не подлежит ни малейшему сомнению, ибо оно найдено в Московском хранилище древних хартий государственных еще до начала нынешней войны, когда не было ни у кого и мысли о настоящей судьбе Крыма, составлено оно, как видно из самого свитка, еще за два века перед сим, когда слишком отважно было бы думать о том, чтобы утвердить в Крыму Россию, почти каждый год трепетавшую в самой Москве от нашествия татар. И надобно же было сему столь примечательному сказанию оставаться в неизвестности более двух веков и явиться из-под спуда именно перед тем временем, когда внимание всех и каждого невольно должно было обратиться на судьбу Крыма!.. Не особенное ли это действие Промысла Божия в назидание и утешение наше?

Что же видим из сего сказания? Видим, что о судьбе полуострова Таврического думано и суждено еще за несколько веков; думано не на земле токмо, а и на небе, не человеками, а самими небожителями. Что же придумано и рассуждено? Утвердить, как говорил в видении святой угодник Божий, утвердить в Крыму Россию. И она утвердилась там: ханство Крымское со всеми его ужасами давно прешло, уступив место кроткой и благотворной державе Всероссийской. Теперь враги наши, в припадке злобы и гордости, возмечтали отторгнуть сию страну от состава России: сбыточное ли это дело? Нет, это было бы противно планам и определению Самого Промысла Божия. Ибо угодник Божий не прилагал бы, как он сам говорит, попечения об утверждении в Крыму России, если бы не был уверен, что это согласно с волей Божией, что сего именно хочет Сам Господь. А когда так, то будем, возлюбленные, покойны за судьбу нашего полуострова; что бы ни делали там враги наши, какими бы даже на некоторое время ни пользовались успехами, – все это не изменит определений Небесных. Ибо «яже... Бог святыи советца, кто разорит: и руку Его высокою кто отвратит?» (Ис. 14, 27).

Один есть на земле враг, который может испортить все дело и которого нам посему должно опасаться паче всего: это – грехи наши! Ибо они, а особенно нераскаянность в них, могут изменить самое благое определение Божие о нас, как то показывает пример народа еврейского. Это был народ избранный от всех язык и племен, коему принадлежали все

откровения, чудеса и обетования Божий, но когда, вознерадев о своем великом и святом предназначении, он начал предаваться различным страстям и порокам, не вразумляясь самыми наказаниями за то свыше, то Господь, в праведном гневе Своем, отверг народ сей от лица Своего и лишил всего; рассеял его потом по лицу всея земли и положил в притчу между всеми народами. Блюдемся, возлюбленные, подобной страшной участи! И для сего да храним себя от всяких дел тьмы и неправды; а впав в вольные и невольные согрешения, – да не медлим омывать их слезами истинного покаяния. Тогда никто и ничто не воспрепятствует исполнению всеблагого совета Божия о нас и Отечестве нашем; и враги самым нападением на нас скрепят навсегда то, что представлялось не таким твердым и способным к отторжению, еже буди благодатью Господнею и молитвами святого угодника, о коем мы теперь беседовали с вами, и о коем, может быть, даст Господь, побеседуем и еще, со временем! Аминь.

Слово в неделю 23-ю по Пятидесятнице

Если какое Евангелие, то нынешнее может дать повод ко многим пререканиям для умов поверхностных. Как, – спросит человек, не привыкший думать глубоко, – чтобы заживо можно было сделаться жилищем злых духов? Возможно ли это? Где же после сего будет личность человека? Его достоинство? Самая природа существа разумного? И неукоризненно ли провидению творческому, чтобы оно допустило такое ужасное вторжение злых духов в наш мир? Чтобы отдало в жертву их лютоści такое творение как человек? К чему может служить это в плане мироправления? Какая цель в отношении к человеку? В отношении самому духу злему? Нравственное бытие человека в таком случае прекращается; он теряет время, нужное для своего усовершенствования, терпит муки; возможно ли, чтобы все это было в мире, находящемся под управлением Премудрого и Всеблагого? Некоторые люди почитаются и почитают сами себя за одержимых злыми духами, но это мнение в них самих есть следствие их умственного помешательства, в других – следствие не размышления о вещи, как она есть сама по себе, а общепринятого мнения. Если в Евангелии представляются подобные случаи, то не в виде действительной истины, а по мнению тогдашних времен, как символы истин нравственных. Прежде нежели сделаем ответ на сии возражения, остановимся мыслью на самом деле. Чудное противоречие с умом человеческим! Он не доволен познанием всего видимого, силится проникнуть в тайну бытия сверхчувственного, хотя не может, но когда Откровение приподнимает часть завесы и показывает нечто из мира невидимого, тот же человек становится против, смежает очи, чтобы не видеть, отвращается, прекословит, упорствует, хулит. И почему все это? Потому только, что открываемое нам из другого мира не подходит под нашу мерку, под наши обыкновенные понятия и законы действий. Но в другом, невидимом мире, должно ли быть непременно так как у нас? Разве не может быть таких вещей, коих здесь нет? Мы должны смотреть на одно, не противоречит ли открываемое тому, что в нашем уме, иначе совести, есть непреложного, ибо основания истины и правды должны быть одни и те же для всего мира, для всех разумных существ. Требовать более – есть непростительная гордость и безрассудство. От сих замечаний обратимся, братие, к предмету, нас занимающему.

(Не закончено?)

Содержание

Слова и беседы на воскресные дни святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический	1
Слово в неделю святых жен-мироносиц	2
Слово в неделю 4-ю по Пасхе	8
Слово в неделю Всех святых	15
Слово в неделю Всех святых	18
Слово в неделю Всех святых	23
Слово в неделю 13-ю по Пятидесятнице	26
Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице	29
Слово в неделю 18-ю по Пятидесятнице	33
Слово в неделю 23-ю по Пятидесятнице	37